

АЛЕКСАНДРА
НИКИШАЕВА

Алая

Александра Никишаева

Алая

«Автор»

2026

Никишаева А. Ю.

Алая / А. Ю. Никишаева — «Автор», 2026

Он поклялся защищать её. Она поклялась не быть спасённой. Адриан Мортмейн — последний из проклятого рода. Десять лет он искал способ выжить. Нашёл — и потерял ту, что отдала за него жизнь. Теперь он обязан защитить её сестру. Эдна — последняя алая ведьма. Она ничего не знает о своей силе. Она привыкла быть тенью. Но Ковен уже идёт по её следу — и готов превратить её в послушный инструмент.

Содержание

Пролог. Клетка для ведьмы.	5
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александра Никишаева

Алая

Пролог. Клетка для ведьмы.

Герцогство Мортмейн. Осень.

Адриан лично затянул узел на сыромятном ремне, фиксируя запястья пленницы к спинке дубового стула. Девушка не сопротивлялась. Она сидела с опущенной головой, темно-рыжие, почти алые, волосы закрывали лицо, и только плечи мелко дрожали — то ли от холода, то ли от страха.

В комнате было сыро. Подвал замка пах землёй и железом. На столе горела одна-единственная свеча, отбрасывая пляшущие тени на каменные своды.

Адриан отошёл на шаг, вытер руки о край камзола и сел напротив неё. Его лицо было спокойным, но в глазах застыла та самая ледяная решимость, что пугала даже бывалых воинов.

— Ты знаешь, кто я, — сказал он негромко. — Так что не будем тратить время на пустые любезности.

Девушка подняла голову.

Свет упал на её лицо. Молодое, бледное, с глазами того редкого оттенка серого, который кажется почти прозрачным.

— Я знаю, кто ты, герцог, — ответила она. — Вопрос в том, знаешь ли ты сам, кого поймал.

Адриан усмехнулся одними уголками губ.

— Ты — Красная ведьма. Последняя в своём роде. И ты снимешь с меня проклятие.

— А если я откажусь? — она смотрела ему прямо в глаза.

Адриан не шелохнулся. Свеча дрогнула от сквозняка, и тень на мгновение исказила его лицо, сделав его старше, жёстче, почти безжалостным. Он смотрел на неё в ответ, не отводя взгляда, и в этом молчании было что-то древнее, словно сама земля Мортмейна давила на плечи обоих.

— Ты не откажешься, — произнёс он наконец, и его голос звучал ровно, как лезвие, только что вынутое из масла. — Потому что я не дам тебе выбора.

Он медленно поднялся, обошёл стол и остановился прямо за её спиной. Она слышала его дыхание, чувствовала запах старой кожи и металла, исходивший от его одежды. Его руки легли на спинку стула, по обе стороны от её головы, заключая её в ловушку из собственного тела.

— Ты — последняя из древнего рода. И только тебе под силу сделать то, что не смогли другие.

Он наклонился ниже, так что его губы оказались почти у самого её уха. Голос стал тише, но от этого только опаснее.

— Я не палач. Я не инквизитор. Мне плевать на твою магию и на твои ритуалы. Мне нужно одно — чтобы проклятие, убивающее меня по капле каждый день, исчезло. И ты сделаешь это, потому что взамен я дам тебе то, чего у тебя больше нет.

Пауза. Он выпрямился, и его руки отпустили стул.

— Кров. Еду. Защиту. И слово герцога Мортмейна, что ни один солдат короны не переступит порог этого замка, пока ты здесь.

Он вернулся на своё место, сел напротив неё и сложил руки на столе. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на усталость.

— Я не прошу твоей любви или доверия, ведьма. Я предлагаю сделку. Ты снимаешь проклятие — я даю тебе жизнь. Решай.

Тишина повисла в комнате, тягучая, как смола. Адриан ждал. Он уже видел этот финал: она опустит голову, сдастся, начнёт торговаться.

Но вместо этого Эзра подняла лицо.

И рассмеялась.

Тихо, горько, без тени веселья. Этот смех резанул по тишине острее ножа.

— Ты лишил меня жизни в тот момент, когда твои люди связали мне руки, герцог, — сказала она, и голос её звучал ровно, почти спокойно. — Не давай обещаний, которых не можешь выполнить.

Она подалась вперёд, насколько позволяли ремни, и посмотрела ему прямо в глаза. В её взгляде больше не было страха.

— Я знаю твою легенду, Адриан Мортмейн. — Она произнесла его имя медленно, смакуя каждый слог, словно пробуя на вкус яд. — Я знаю, сколько алых ведьм погибло, чтобы твоя проклятая кровь продолжала течь по этим жилам.

Она улыбнулась — страшно, обречённо, с той горькой мудростью, что приходит только к тем, кто уже заглянул за черту.

— Ты думаешь, ты первый, кто поймал Красную ведьму? Ты думаешь, я не знаю, чем это кончится? — Она покачала головой, и в её голосе зазвенела сталь. — Я сниму твоё проклятие. Я сделаю это, потому что не могу отказать. Такова наша природа, наша Клятва. Мы отдаём себя, даже когда нас берут силой.

Она перевела дыхание и закончила тихо, почти шёпотом, но этот шёпот прозвучал громче любого крика:

— Но знай, герцог: я иду на эту смерть с открытыми глазами. И каждый раз, когда ты будешь вдыхать полной грудью, вспоминай, чьим дыханием ты платишь.

Адриан замер.

Свеча догорела ровно на половину, и свет дробился в её серых глазах, делая их похожими на две расплавленные монеты. Он смотрел на неё, и впервые за долгие годы что-то дрогнуло внутри его ледяной брони. Не стыд. Не жалость. Нечто иное — уважение, замешанное на горечи.

Она знала. Она всегда знала.

Медленно, очень медленно, он поднялся из-за стола. Его сапоги глухо стукнули по каменному полу, когда он приблизился к ней. Она не отшатнулась, не отвела взгляда — только следила за ним, как птица следит за приближающейся змеей.

Адриан опустился перед ней на одно колено.

Это не было жестом покорности — скорее, странным, почти неуместным равенством. Он потянулся к её запястьям и коротким, точным движением перерезал ремень одним из клинков, что всегда носил у пояса.

Кожаные обрывки упали на пол.

— Ты права, — сказал он тихо, глядя ей в глаза с расстояния вытянутой руки. — Я не первый. И, вероятно, не последний. Но я — единственный, кто сейчас готов признать это вслух.

Он поднялся, отошёл к двери и толкнул её. Тяжёлая створка со скрипом отворилась, впуская в подвал затхлый воздух коридоров замка.

— Ты свободна, — произнёс он, не оборачиваясь. — Можешь уйти. Можешь проклясть меня до седьмого колена — я заслужил.

Он сделал паузу, и его голос стал тише, почти неслышным:

— Но если ты всё же решишь помочь мне — не потому, что я тебя поймал, а потому, что сама сочтёшь нужным...

Она не поднялась с места. Её руки, только что освобождённые от ремней, остались лежать на коленях — бледные, с красными следами от верёвок.

— Твоё семейство не знает, — произнесла она тихо, но каждый звук падал в тишину подвала, как камень в стоячую воду. — Вы никогда не интересовались. Но я расскажу тебе, почему столько алых ведьм погибло, чтобы жили вы.

Адриан замер у порога. Он не обернулся, но его спина напряглась — он слушал.

— В ваших древних книгах есть легенда о наложении проклятия. И о снятии. Но нет одной маленькой детали, — она подняла на него взгляд, и в нём больше не было ни гнева, ни горечи — только усталая правда. — Алая ведьма не может отказать, если перед ней стоит проклятый. Когда ведьма пробуждает силу, Ковен принимает клятву, которую алая не может нарушить.

Она перевела дыхание.

— Ты мог не связывать меня, мог не резать ремни. Итог один. Я всё равно сделала бы это. Потому что не могу иначе.

Адриан медленно обернулся. Его лицо оставалось непроницаемой маской, но в глубине зрачков вспыхнуло нечто похожее на ярость — не на неё, а на самую несправедливость этого устройства мира.

Слова Эзры ударили сильнее, чем любое физическое оружие. Она не просто предлагала свою жизнь; она говорила о том, что её воля была стерта ещё до того, как она переступила порог этого замка. Она была не союзником и не жертвой сделки. Она была инструментом, заточённым в клетку собственной природы.

Он сделал несколько тяжёлых шагов назад, возвращаясь в круг света единственной свечи.

— Значит, вся ваша «святость» — это просто цепь, — голос Адриана прозвучал глухо, с едва уловимой хрипотцой. — Вы не выбираете милосердие. Вы просто не способны на отказ.

Он остановился прямо перед ней, глядя на её тонкие, израненные запястья. В этот момент он почувствовал тошнотворное родство с ней. Он был рабом крови своего рода, проклятый наследием отцов, а она была рабом крови своего Ковена. Два заложника, связанные одной и той же невидимой нитью долга и смерти.

— Ты говоришь, что я мог не связывать тебя, — он прищурился, и в его взгляде мелькнула горькая ирония. — Но я привык к тому, что всё в этом мире нужно брать силой. Я не знал, что можно быть рабом, даже будучи на свободе.

Он замолчал на мгновение, а затем неожиданно протянул руку и коснулся её подбородка, заставляя смотреть на себя.

— Если ты не можешь отказать... значит, твоё «да» не имеет цены. Но я не хочу платить за исцеление твоей покорностью, Эзра.

Он отпустил её и отступил, его голос снова стал холодным и властным:

— Начинай. Снимай эту дрянь из моих жил. Но знай: если ты умрёшь, я клянусь, что сделаю всё, чтобы искупить свой долг перед тобой.

Адриан отошёл на шаг, давая ей пространство. Эзра медленно поднялась со стула — её движения были плавными, но в них чувствовалось напряжение натянутой струны. Она подошла к нему вплотную и положила ладони ему на грудь, прямо поверх рубашки. Её пальцы были холодными.

— Не дёргайся, — сказала она тихо. — И не мешай.

Она закрыла глаза.

Сначала ничего не происходило. Только тишина, нарушаемая треском свечи. А потом Адриан почувствовал это — жар, поднимающийся изнутри его собственного тела. Не боль. Скорее, странное шевеление под кожей, будто тысячи игл пытались вырваться наружу, навстречу её ладоням.

Эзра вздрогнула. Её пальцы судорожно сжались на его рубашке, и он увидел, как побелели костяшки её кулаков.

— Что... — начал он, но, не сдержавшись, глухо застонал.

— Терпи, — выдохнула она сквозь зубы. — Что ты как девчонка? Мне во сто крат больше.

Он хотел возразить, но слова застряли в горле, когда он опустил взгляд на её руки. Сквозь бледную кожу запястий проступила тонкая паутина чёрных вен — они тянулись от пальцев вверх, к локтям, пульсируя в такт её дыханию. Чернота поднималась, пожирая свет её кожи, превращая живую плоть в тёмный мрамор.

— Остановись, — его голос сел. Он попытался перехватить её запястья, разорвать контакт, но её пальцы будто приросли к его груди. — Эзра! Прекрати! Ты убьёшь себя!

Она открыла глаза. В них больше не было серого — только чернота, затянувшая радужку, и где-то в глубине — крошечная искра её прежней насмешливости.

— Слишком поздно, герцог, — прошептала она, и из уголка её губ потекла тонкая струйка крови. — Твоя проклятая кровь уже не отпустит меня.

Адриан рванулся, пытаясь оттолкнуть её, но тело его больше не слушалось — он был словно пригвождён к месту мощным, невидимым током. Он чувствовал, как тьма, которая годами выжигала его изнутри, теперь с жадностью устремлялась в неё, перетекая через ладони Эзры, как яд из одного сосуда в другой.

Это было похоже на кражу. Он чувствовал, как к нему возвращается сила, как лёгкие вдруг раскрываются, вбирая в себя воздух без привычного привкуса пепла, а мышцы наполняются здоровьем. Но цена этого облегчения была видна прямо перед ним.

— Хватит! — закричал он, и его голос сорвался на хрип. — Слышишь?! Я не хочу этого!

Он обхватил её за плечи, пытаясь буквально оторвать от себя, но Эзра лишь сильнее прижалась к нему, её тело обмякло, становясь пугающе лёгким. Чернота на её руках уже достигла плеч, и теперь тонкие тёмные нити начали подниматься по её шее, проступая сквозь кожу, словно корни какого-то демонического растения.

Она судорожно вдохнула, и её голова бессильно откинулась назад, открывая бледное горло. Взгляд её стал пустым, расфокусированным, но она всё ещё продолжала удерживать контакт.

— Теперь... — прошептала она, и её голос был похож на шелест сухих листьев. — Теперь ты... чист.

Вспышка алого света, настолько яркая, что Адриан на мгновение ослеп, пронзила подвал. Это был последний всплеск её магии — последний крик жизни, отдающей всё до последней капли.

Когда свет погас, Эзра рухнула в его объятия. Её тело было холодным, а кожа — мертвенно-белой, за исключением тех самых чёрных вен, что теперь застыли в её жилах неподвижным, угольным узором.

Она ещё дышала. Едва-едва — тонко, прерывисто, словно нить, готовая оборваться в любой момент. Адриан прижал её к себе, не чувствуя холода её кожи, не слыша ничего, кроме собственного сердца, колотящегося где-то в горле.

— Эзра... — его голос сорвался. — Эзра, держись. Я позову врача. Я...

Она приоткрыла глаза. В них больше не было черноты — только выцветшая, усталая серая дымка. Она смотрела сквозь него, куда-то в потолок, словно уже видела что-то за его пределами.

— Адриан... — её пальцы слабо шевельнулись на его груди, едва ощутимо царапая ткань рубашки. — У меня есть сестра. Эдна.

Она судорожно вдохнула, и её голос стал тише, превращаясь в надломленный шёпот:

— Она... она не знает. Её сила спит... но она там. Глубоко. Ковен... они будут искать её. Они захотят сделать её такой же... как я.

Она замолчала на секунду, и её взгляд с отчаянной силой сфокусировался на его лице.

— Спрячь её. Пожалуйста... Не дай им пробудить её...

Её рука безвольно упала. Глаза остановились, глядя в пустоту, но на губах так и застыла та самая слабая улыбка — теперь уже не от облегчения, а от того, что она успела передать последнюю искру надежды.

Адриан не шевелился. Он продолжал держать её тело, чувствуя, как последние остатки тепла покидают её кожу, и эта тишина, воцарившаяся в подвале, была страшнее любого крика. Он смотрел на её лицо — теперь совсем юное, почти детское в этой мертвенной бледности — и чувствовал, как внутри него что-то с грохотом рушится.

Он был свободен. Проклятие, которое веками определяло судьбу его рода, исчезло. Он больше не чувствовал того гнилостного жара в костях, не задыхался от собственного дыхания. Но эта свобода ощущалась как предательство. Каждый вдох, который он теперь делал полной грудью, казался ему украденным.

— Эдна... — прошептал он, и это имя стало его первым настоящим обетом.

Он медленно опустил Эзру на каменный пол, стараясь сделать это максимально бережно, словно она была сделана из тончайшего стекла. Он долго смотрел на её застывшие руки с чёрными венами — венами, которые теперь принадлежали ему.

Адриан поднялся. Его взгляд изменился. Ледяная решимость, что была в нём раньше, сменилась чем-то более глубоким и тёмным. Это не была ярость или отчаяние. Это была холодная, расчётливая воля человека, которому больше нечего терять, кроме своего честного слова.

Он подошёл к столу и задул свечу.

В наступившей темноте он больше не был просто герцогом Мортмейном, ищущим спасения. Теперь он был должником. И он знал, что единственным способом выплатить этот долг будет превратить свою жизнь в крепость для той, кого он ещё никогда не видел, но за которую уже был готов убить любого.

***

Прошёл год.

Герцогство Мортмейн утопало в сером тумане и бесконечных осенних дождях. Замок стоял всё так же мрачно на утесе, но внутри него что-то изменилось. Адриан больше не запирался в подвалах. Он стал тенью в своих собственных коридорах — молчаливый, сосредоточенный, с глазами, в которых навсегда поселилась глубокая, непроходящая скорбь.

Он перерыл все архивы Ковена, выследил каждого информатора и перекупил половину шпионов королевства. Он искал след девочки с алыми волосами и спящим даром.

И однажды утром, когда туман над пустошами был особенно густым, один из его разведчиков вернулся с известием: в лесах у водопада Азира была замечена девушка, подходящая под описание.

Адриан медленно сжал рукоять меча.

— Готовьте лошадей, — приказал он, и его голос прозвучал как приговор. — Мы выезжаем сейчас.

Глава 1

Водопад Азира пел на сотню голосов. Вода срывалась с отвесной скалы тяжёлыми, сверкающими прядями, разбивалась внизу в белую кружевную пену и уносилась дальше, в горную реку, перекатывая гладкие, отполированные веками камни. Воздух здесь был густым, влажным, напоенным запахом остывшей воды и нагретой солнцем листвы.

Девушка с алыми волосами, прикрытыми серой косынкой, спускалась по тропе, ловко перепрыгивая с камня на камень. В руках она держала плетёную корзинку, доверху наполненную крупной, тёмно-рубиновой малиной. Несколько пятен ягодного сока виднелись на белых изящных пальцах, крепко сжимающих ручку.

Она остановилась на мгновение, взглянула на своё отражение в воде. Солнечные лучи бликовали на пушистых ресницах. Её янтарные глаза — светлые, с золотыми искорками у зрачка — отражались солнечными зайчиками, танцующими на водной глади.

Она улыбнулась чему-то своему, перехватила удобнее ручку корзинки и шагнула в сторону узкого прохода за водопадом, где за стеной падающей воды прятался её дом.

Но что-то заставило её остановиться.

Она замерла, прислушиваясь. Шум водопада заглушал почти всё, но её ухо, привыкшее к лесной тишине, уловило чужеродный звук. Шаги. Тяжёлые, размеренные. Кто-то шёл по тропе, по которой она только что спустилась.

Она обернулась.

Из-за поворота, стяхивая с плеч водяную пыль, вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, с грубым, обветренным лицом и вьёвшейся в кожу дорожной пылью. На поясе у него висел кривой нож в потёртых ножнах, а на плече — потрёпанный дорожный мешок. Он выглядел как обычный путник — уставший, пропыленный.

Но его глаза — цепкие, холодные, светло-серые, как зимнее небо — смотрели на неё слишком пристально.

— Доброго дня, — сказал он, и голос у него был низким, вкрадчивым, с лёгкой хрипотцой. — Я ищу одну девушку. У неё алые волосы. Ты случайно не знаешь, где мне её найти?

Девушка чуть прищурилась, и в её янтарных глазах на мгновение вспыхнула настороженность. Она не привыкла к гостям в этих краях — водопад Азира был местом, которое лес оберегал от случайных путников, а те, кто всё же находил дорогу, обычно не смотрели так... оценивающе.

Она крепче сжала ручку корзинки, инстинктивно делая полшага назад, ближе к завесе падающей воды.

— Вы, верно, сбились с дороги, господин, — ответила она, и её голос прозвучал чисто и звонко, перекрывая шум реки. — Здесь живут только птицы и те, кто ищет уединения. Никого с алыми волосами я не видела.

Она соврала легко и уверенно, но сердце забилось чуть быстрее. Что-то в этом человеке было неправильным. Слишком спокойный ритм шагов для уставшего путника, слишком тяжёлый взгляд для того, кто просто заблудился.

Мужчина остановился в нескольких шагах от неё, лениво поправил лямку мешка на плече и улыбнулся. Улыбка вышла недоброй — так мог бы улыбаться волк, заметивший хромую лань.

— Говорят, что те, кто ищет уединения, часто носят маски, — он кивнул в сторону её косынки, будто невзначай. — А ещё говорят, что водопад Азира — лучшее место, чтобы спрятать то, что не хотят показывать. Ты не находишь?

Он не наступал. Не делал резких движений. Просто стоял, чуть склонив голову набок, разглядывая её так, словно она была картой, на которой он пытался прочесть нужный маршрут.

— Впрочем, я могу ошибаться, — добавил он с деланным безразличием, пожимая плечами. — Дороги здесь петляют, память иногда подводит. Может, я действительно сбился с пути.

Он шагнул в сторону, делая вид, что собирается обойти её и двинуться дальше по тропе, но его взгляд остался прикованным к её лицу — цепкий, выжидающий, хищный.

— Но если ты всё же встретишь ту девушку, — бросил он через плечо, уже делая вид, что уходит, — передай ей, что её ищут. Очень настойчиво ищут.

Эдна смотрела ему в спину, и в её груди что-то болезненно сжалось. Этот человек не был похож на тех, кого она представляла в своих редких раздумьях о внешнем мире. Он не был грубым разбойником или пафосным лордом. Он был... профессионалом. Опасен так, как опасен затаившийся в траве хищник, который не спешит с прыжком, потому что точно знает — жертве ей некуда бежать.

Она не сдвинулась с места, пока его силуэт не начал растворяться в водяном мареве тропы. Но когда он почти скрылся за поворотом, Эдна почувствовала странный, почти физический холод, пробежавший по позвоночнику. Это не был холод воды или ветра — это было ощущение чужого, липкого внимания, которое всё ещё оставалось на ней, даже когда сам человек ушёл.

— Кто ты такой? — прошептала она, и её голос потонул в грохоте водопада.

Эдна знала, что Эзра говорила о мире за пределами Азиры. Она знала о «Ковене», о которых сестра упоминала в редкие минуты тревоги, и о том, что их род — это не просто дар, а проклятие, которое Ковен жаждет контролировать. Она никогда не видела их лиц, но теперь, вспомнив этот цепкий, оценивающий взгляд наёмника, она поняла: охота началась.

Она подождала ещё несколько минут, вслушиваясь в тишину леса. Когда шум воды снова стал единственным звуком вокруг, девушка развернулась и почти бегом бросилась за стену водопада, в свой дом.

Внутри было прохладно и пахло сушёными травами. Эдна с грохотом поставила корзинку на стол и первым делом подбежала к старому зеркалу в тяжёлой раме. Она сорвала с головы серую косынку, и каскад алых волос рассыпался по плечам, словно вспышка пламени в полумраке комнаты.

Она смотрела на своё отражение — янтарные глаза, бледная кожа — и чувствовала, как по спине пробежал озноб. Тот мужчина не просто «сбился с дороги». Он искал её по всем приметам. И то, что он ушёл так легко, пугало больше всего — значит, он либо уже отметил её местоположение для своих хозяев, либо решил сначала изучить её привычки.

Эдна подошла к шкапулке, где хранились вещи Эзры, и её рука задрожала.

— Ты говорила, что они придут... — прошептала она, прижимая к себе старую шаль сестры. — Почему они пришли сейчас?

Глава 2

Эдна не бежала. Она скользила сквозь лес, как тень, — быстрая, бесшумная, привыкшая к каждому корню и камню на этой тропе. Узелок с вещами бился о бедро, лямка резала плечо, но она не сбавляла шага. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая даже шум водопада, который остался за спиной.

Она почти выбралась на верхнюю тропу, ту, что вела к тракту через перевал. Ещё немного — и она растворится в лесах, уйдёт так далеко, что никакой чужак не найдёт её.

Но лес вдруг стал слишком тихим.

Птицы замолкли. Ветер стих. Даже листья перестали шептаться, будто сама природа затаила дыхание в ожидании.

Эдна сделала ещё шаг и замерла.

Из-за широкого ствола старого дуба, словно соткавшись из тени и тумана, вышел он. Тот самый мужчина. Он даже не запыхался. На его губах играла лёгкая, почти ленивая улыбка, а в руке он небрежно крутил кривой нож, поблёскивающий холодным серебром в тусклом свете.

— Ну-ну, маленькая птичка, — произнёс он вкрадчиво, делая шаг к ней. — Куда ты собралась?

Эдна попятилась, но её спина упёрлась в шершавую кору другого дерева. Ловушка захлопнулась.

Наёмник приблизился, остановившись в двух шагах, и его серые глаза насмешливо скользнули по её лицу, задержавшись на косынке.

— Ты хорошо бегаешь, маленькая ведьма. — Он лениво покачал головой. — Но судьба не на твоей стороне. Она уже продала тебя за пару медяков. Ты думала, что спрячешься? — Он усмехнулся, и в этой усмешке сквозило откровенное, гадкое превосходство. — Глупая девочка. Таких, как ты, я ловил десятками. И все они думали, что сумеют сбежать.

Он протянул руку, намереваясь сорвать с неё косынку.

— Ну-ка, дай взглянуть на то, что ты так старательно прячешь...

И в тот момент, когда его пальцы почти коснулись ткани, из серого тумана, со стороны тропы, раздался голос. Низкий, холодный, режущий тишину леса, как лезвие:

— Отпусти девушку.

Наёмник замер. Его рука остановилась в дюйме от лица Эдны.

— И, возможно, я позволю тебе уйти с переломанными пальцами, а не с перерезанным горлом.

Эдна подняла глаза.

Из тумана, широким, уверенным шагом, выходил высокий мужчина в тёмном плаще. Его лицо было суровым, словно высеченным из камня, а в глазах — ледяная, абсолютная решимость, не оставляющая места для сомнений. В руке он сжимал рукоять меча, но даже не обнажал его — будто эта угроза была лишней.

Он смотрел только на наёмника. Но на одно короткое мгновение, прежде чем перевести взгляд на врага, его глаза встретились с глазами Эдны.

И в этом взгляде она прочитала то, чего не ожидала увидеть: не холод, не безразличие, а что-то глубокое, тёмное и... знакомое. Будто он уже знал её. Будто он искал её всю жизнь.

Наёмник медленно обернулся, и его ленивая улыбка на мгновение дрогнула. Он оценил фигуру незнакомца — осанку, уверенность, ту тяжёлую ауру власти, которая исходила от него даже сквозь слой тумана. Опытный глаз охотника сразу понял: перед ним был хищник куда более высокого ранга.

— А ты у нас кто? — голос наёмника снова стал вкрадчивым, но в нём появилась настороженность. Он не убрал руку от лица Эдны, но теперь его пальцы были готовы в любой момент

сжать её горло, чтобы использовать как живой щит. — Слишком дорогой плащ для этих трущоб. Ты из тех, кто любит играть в рыцарей?

Адриан не ответил. Он продолжал идти вперёд, и каждый его шаг отдавался в тишине леса глухим, неотвратимым ударом. Его взгляд был прикован к руке наёмника, которая всё ещё находилась слишком близко к девушке.

— Мне не интересны твои догадки, — произнёс Адриан, и его голос вибрировал от сдерживаемой ярости. — Но эта девушка находится под моей защитой. А значит, любой, кто посмеет коснуться её хотя бы кончиком пальца, станет частью этой земли.

Он остановился в пяти шагах, и в этот момент его рука молниеносно легла на эфес меча. Металл тихо звякнул, когда клинок вышел из ножен всего на пару дюймов — этого было достаточно, чтобы холодный блеск стали отразился в глазах наёмника.

— У тебя есть три секунды, чтобы отойти от неё, — тихо добавил герцог. — Одна...

— Две.

Счёт прозвучал как приговор. Холодный, неумолимый, отмеряющий последние секунды чьей-то жизни.

Наёмник дёрнулся.

Всё произошло в одно мгновение. Он рванул Эдну на себя, грубо вцепившись в её плечо, и одним движением развернул её спиной к своей груди. Лезвие кривого ножа взметнулось к её горлу — и замерло, прижавшись к нежной коже под подбородком так плотно, что она почувствовала его ледяное прикосновение.

— Стоять, — выдохнул наёмник ей прямо в ухо, но голос его был обращён к Адриану. — Ещё шаг, герой, и я выпотрошу её, как рыбу.

Эдна застыла. Сердце пропустило удар, а затем забило где-то в горле, у самого лезвия. Она чувствовала его дыхание — горячее, прерывистое, с металлическим привкусом страха. Он боялся. Этот человек, который ещё минуту назад казался ей воплощением уверенности, сейчас вжимал её в себя, как последний аргумент в споре, который он проигрывал.

Она смотрела на мужчину.

Он остановился. Меч замер в дюйме от ножен. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах что-то изменилось — потемнело, сгустилось, стало опасным.

— Умный ход, — произнёс мечник, и в его голосе не было ни паники, ни злости. Только ледяное признание факта. — Но ты лишь отсрочил свою смерть.

— Заткнись! — рявкнул наёмник, сильнее прижимая лезвие к горлу Эдны. — Брось меч. Медленно. Или я перережу ей глотку прямо сейчас — и ты даже не успеешь вскрикнуть.

Эдна чувствовала, как рукоять ножа впивается ей в ключицу, а пальцы наёмника сжимают плечо до синяков. Воздух с трудом проходил в лёгкие.

Мечник не шевельнулся. Он стоял неподвижно, словно изваяние из чёрного гранита, и эта его статичность пугала больше, чем любой крик. Его взгляд был прикован к глазам наёмника — он читал его, как открытую книгу, выискивая ту самую секунду, когда страх перевесит жадность.

— Ты совершаешь ошибку, — произнёс герцог. Голос был тихим, почти ласковым, но в этой тишине слышался гул надвигающейся лавины. — Ты думаешь, что она — твой щит. Но на самом деле она — твоя единственная связь с этим миром. Как только ты решишь, что она бесполезна... ты перестанешь существовать.

Наёмник оскалится, и лезвие ножа чуть сильнее надавило на кожу Эдны. Появилась первая, крохотная капля крови.

— Я сказал: брось меч! — прорычал он, теряя самообладание. Его голос сорвался на фальцет, выдавая панику.

Адриан медленно, с нарочитой ленивостью, разжал пальцы. Меч с глухим звоном упал на мягкий лесной мох.

— Доволен? — спросил герцог, и в его тоне промелькнула горькая ирония.

Но в тот момент, когда наёмник решил, что победил, и чуть ослабил хватку, чтобы сделать шаг назад и увеличить дистанцию, Адриан исчез. Он не побежал — он просто перестал быть там, где стоял.

Рывок был настолько стремительным и мощным, что Эдна даже не успела вскрикнуть. Воздух свистнул над её ухом, и в следующее мгновение тяжёлая рука герцога железным обручем сомкнулась на запястье наёмника, которое держало нож.

Раздался резкий, сухой хруст кости.

Нож со звоном отлетел в сторону, а наёмник с воплем боли рухнул на колени, его рука была вывернута под неестественным углом. Адриан не остановился — он схватил мужчину за загривок и с силой впечатал его лицом в кору дуба, прижимая так, что тот начал задыхаться.

— Я предупреждал тебя, — прошептал Адриан прямо в ухо врагу. — Но ты решил поиграть не с тем человеком.

Всё закончилось так же внезапно, как и началось.

Наёмник затих, прижатый к дереву — без сознания, с вывернутой рукой. Адриан отпустил его, и тело мешком осело на землю.

Эдна стояла в нескольких шагах и смотрела на него. Её дыхание было неровным, пальцы дрожали, и она машинально прижала ладонь к горлу — туда, где ещё секунду назад чувствовала холод стали.

Она сделала шаг назад. Потом ещё один. Споткнулась о корень, взмахнула руками, но удержалась — припала спиной к соседнему стволу, вцепившись пальцами в кору. Косынка сбилась набок, открыв алую прядь, выбившуюся из-под ткани.

Адриан медленно выпрямился. Его плащ был забрызган кровью, но он даже не взглянул на это. Он смотрел на неё — бледную, напуганную, почти прозрачную в этом тумане.

Он сделал шаг вперёд. Один-единственный, осторожный шаг, сокращая дистанцию. Его рука медленно поднялась и потянулась к ней — ладонью вверх, в молчаливом приглашении помочь ей прийти в себя или подняться.

Эдна вскрикнула.

Она не просто отшатнулась — она буквально вжалась в дерево, зажмурилась и сжалась в комок, инстинктивно пытаясь стать как можно меньше. Её плечи поднялись к ушам, а вся фигура задрожала от нового приступа паники.

— Не подходи! — выдохнула она сквозь зажмуренные веки. Голос дрогнул, но в нём слышалось отчаяние. — Пожалуйста... не трогай меня!

Рука Адриана замерла в воздухе.

Он не убрал её сразу, но и не стал настаивать. В этом жесте осталось что-то болезненное. Он смотрел на неё, и в его глазах промелькнула тень — то ли разочарование, то ли глубокая, старая печаль.

— Я не причиню тебе вреда, — произнёс он тихо. В его голосе не было холода — только бесконечная усталость. — Я дал слово.

Адриан медленно убрал ладонь, не став навязывать свою помощь. Он понимал, что сейчас любое движение в её сторону будет воспринято как нападение, поэтому просто отступил, разрывая тесную дистанцию.

— Ты вся дрожишь, — заметил он, и его голос был лишён эмоций, звуча как сухой приговор. Он посмотрел на съехавшую косынку. — Твоя маскировка больше не работает.

Он перевёл взгляд на девушку, и в его серых глазах промелькнуло нечто, похожее на мрачное предостережение.

— Твой покой закончился в тот миг, когда этот пёс Ковена ступил на твою тропу. Запомни: если один охотник нашёл дорогу к водопаду, остальные придут следом. Азира больше не крепость, теперь это ловушка.

Адриан замолчал, позволяя тишине леса подчеркнуть неизбежность ситуации.

— У тебя есть два пути. Первый — остаться здесь и надеяться на чудо, пока за тобой не вернулись те, кто не будет так милосерден, как я. Второй — довериться мне и уехать в замок Мортмейн. Там ты будешь в безопасности за каменными стенами.

Он не пытался быть убедительным или добрым. Он просто констатировал факт, глядя на неё с тем тяжёлым терпением, которое бывает только у людей, привыкших к долгому ожиданию.

— Решай сейчас: либо ты выбираешь защиту, либо выбираешь смерть в этих лесах.

— Мортмейн? — переспросила она, и в её голосе впервые появилась не просто паника, а что-то похожее на горькую усмешку. — Тот самый род, где все мужчины мрут как мухи от древнего проклятья?

Она подняла на него взгляд — всё ещё испуганный, но уже с искоркой вызова.

— Если ты пришёл за мной, чтобы я сняла его... то зря. — Она криво усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья. — У моей сестры была сила. А я — пустое место. Я даже искру не могу зажечь, не то что проклятье снять.

Тишина повисла между ними. Тяжёлая, как надгробная плита.

Адриан не шелохнулся. Он смотрел на неё с непроницаемым лицом, но что-то дрогнуло в глубине его глаз.

— Эзра, — произнёс он медленно, будто пробуя каждое слово на вкус, — была самой сильной ведьмой, которую я встречал.

Эдна замерла.

— Ты... ты знал её?

Адриан не ответил. Вместо этого он сделал то, чего она не ожидала — он позволил себе короткую, едва заметную паузу, а затем тихо добавил:

— Вы очень похожи. Особенно когда злитесь.

Эдна замерла, и эта неожиданная фраза подействовала на неё сильнее, чем угроза ножом. Она смотрела на него, и в её янтарных глазах отразилось смутение. Сравнение с сестрой было для неё чем-то священным и болезненным одновременно; Эзра всегда была солнцем, вокруг которого вращался их маленький мир, а Эдна — лишь тенью, бледным отражением этого света.

— Не смейте... — прошептала она, и её голос внезапно окреп. — Не смейте сравнивать меня с ней. Она была... она была всем. А я...

Она резко отвернулась, пряча лицо, и её плечи снова задрожали, но на этот раз не от страха, а от сдерживаемого рыдания.

Адриан наблюдал за ней, и в его взгляде проступила та самая тёмная печаль, которую он так тщательно скрывал за маской герцога. Он знал, что такое быть «тенью» собственного рода, знал, каково это — чувствовать себя неправильным, сломанным или пустым на фоне великого наследия.

— Она не хотела, чтобы ты была её копией, — произнёс он тихо, и в его голосе впервые прозвучала нотка искренности, почти человечности. — Она хотела, чтобы ты жила.

Он снова посмотрел на бессознательного наёмника, лежащего в грязи, а затем перевёл взгляд на горизонт, где туман становился всё гуще.

— Твой дар может спать, Эдна. Но Ковен не будет ждать, пока он проснётся. Для них ты — ценный ресурс, инструмент, который нужно забрать и подчинить. Им плевать, «пустое» ты место или нет. Они выжмут из тебя всё, даже если для этого придётся сломать тебя пополам.

Он сделал шаг назад, давая ей пространство для последнего решения, но его голос снова стал властным:

— Я не ищу целительницу. Я ищу ту, за кого просила Эзра. И я не позволю Ковену забрать тебя. Поднимайся. Мы уходим.

Глава 3

Карета остановилась, и Эдна поняла, что всё это время почти не дышала. Она прижалась лбом к холодному стеклу, но увидела лишь размытые очертания массивных ворот, уходящих в темноту.

— Приехали, — голос Адриана прозвучал откуда-то сбоку, и она вздрогнула.

Он первым выбрался наружу, и, когда дверца распахнулась, в лицо Эдне ударил сырой, холодный воздух, пропитанный запахом старого камня и мокрой листвы.

Замок Мортмейн нависал над ней. Серый, суровый, с узкими бойницами вместо окон и тяжёлыми, окованными железом воротами. Он был чудовищно величественным в своей мрачности. И от этого становилось только страшнее.

— Прошу вас, госпожа.

Голос раздался неожиданно близко. Эдна обернулась и увидела пожилого мужчину в строгом сюртуке. Он стоял у распахнутой двери кареты, слегка склонив голову, и его лицо было абсолютно бесстрастным. Дворецкий. Настоящий, вышколенный, с идеально уложенными седыми волосами.

— Меня зовут Милфорд, — представился он, не повышая голоса, и протянул руку в белоснежной перчатке. — Я провожу вас в ваши покои.

Эдна растерянно оглянулась на Адриана, но тот уже отдавал какие-то указания подошедшему конюху. Она осталась одна перед этим истуканом в чёрном, который ждал её с терпением статуи.

Она шагнула следом за ним.

Внутри замок оказался ещё более давящим. Высокие своды терялись во тьме, факелы отбрасывали пляшущие тени, а шаги по каменному полу разносились эхом, многократно усиленные тишиной. Эдна чувствовала себя муравьём, который забрёл в великанский дом.

Милфорд вёл её по длинным коридорам, сворачивая то вправо, то влево, пока она окончательно не потеряла ориентацию в пространстве. Но, когда он наконец остановился и распахнул перед ней тяжёлую дубовую дверь, она замерла на пороге.

Внутри было светло.

Не просто светло, а по-домашнему уютно. Камин весело потрескивал, разгоняя сырость, на стенах висели тёплые гобелены, а на столе стоял пузатый чайник и тарелка с ещё дымищимися пирожками. Шторы на окнах были светлыми, плотными, они приглушали серость внешнего мира, оставляя внутри тепло и покой.

— Герцог распорядился подготовить комнату к вашему приезду, — бесстрастно произнёс Милфорд. — Если вам что-то понадобится, дерните за шнур у камина.

Эдна переступила порог и остановилась, не решаясь зайти глубже. Её взгляд метался по комнате — от горящего камина к застеленной кровати, от стопки свежих полотенец к чайнику, из носика которого всё ещё поднимался пар. Всё это было слишком... правильным. Слишком подготовленным. Словно её ждали. Словно её появление было лишь вопросом времени.

Она обернулась к Милфорду, который так и стоял у двери, сложив руки перед собой, с выражением безупречной почтительности на лице.

— Он... — начала она и запнулась, подбирая слова. — Герцог. Он всегда так встречает гостей? Или только тех, кого притащил силком из леса?

Милфорд не изменился в лице. Только лёгкая, едва заметная искорка мелькнула в глубине его глаз — может быть, улыбка, может быть, насмешка, понять было невозможно.

— Его Светлость Герцог Мортмейн, — ответил дворецкий своим ровным, чуть скрипучим голосом, — за последние десять лет не принимал в замке ни одного гостя, кроме его матери. Вы — первая, госпожа.

Он выдержал паузу, давая ей осознать сказанное, а затем добавил, уже чуть тише:

— И, позволю себе заметить, подготовка этой комнаты заняла у него лично больше времени, чем подготовка к ежегодному сбору налогов. Ужин будет подан через полчаса в малой столовой. За вами зайдёт Лия.

Милфорд поклонился и бесшумно закрыл за собой дверь, оставив Эдну одну в тёплом, мерцающем свете камина.

Эдна постояла ещё несколько мгновений, прислушиваясь к затихающим шагам Милфорда за дверью, а затем медленно выдохнула и оглядела комнату уже внимательнее, не скользящим взглядом, а цепко, как человек, привыкший искать пути к отступлению.

Окно. Маленькое, но не зарешечённое. Выход во внутренний двор, судя по тому, что видно. Высоко, но ветки старого дуба подходят почти к самому подоконнику — если что, можно попробовать спуститься.

Она тут же одёрнула себя. О чём я думаю? Я не пленница. Меня не заперли.

Она всё ещё стояла у окна, когда раздался стук в дверь — короткий, деликатный.

— Войдите, — сказала Эдна, стараясь, чтобы голос звучал увереннее, чем она себя чувствовала.

Дверь открылась, и в комнату впорхнула девушка. Миловидная, круглолицая, с русыми волосами, убранными под чепец, и с такой открытой улыбкой, что Эдна невольно расслабила плечи.

— Госпожа! — всплеснула руками Лия, окинув её взглядом с головы до ног. — Да вы же с ног до головы в грязи! Давайте скорее приведём вас в порядок!

Эдна открыла рот, чтобы возразить, но Лия уже суежилась вокруг неё, ловко расстёгивая промокший плащ.

— Я принесла воду, — тараторила служанка, — и платье. Оно, может, не по размеру, но лучше, чем это... — она брезгливо покосилась на испачканный подол Эдны. — Герцог велел приготовить вам комнату, но мы не знали, когда вы придёте, и не знали ваших параметров. Так что это — из старых запасов её светлости, вдовствующей герцогини. Она теперь редко бывает в замке, так что, думаю, не рассердится.

Лия на секунду замерла, словно прислушиваясь к собственным словам, и добавила чуть тише:

— Надеюсь.

Эдна с недоумением посмотрела на платье, которое Лия с торжествующим видом разложила на кровати. Оно было из плотного тёмно-зелёного бархата с кружевным воротником — платье благородное, строгое, но совершенно не подходящее девушке, которая привыкла носить простую серую холстинку и спать под шум водопада.

— Вдовствующая герцогиня? — переспросила Эдна, чувствуя, как в комнате снова становится тесно от тайн этого дома. — Значит, в этом замке кто-то ещё живёт, кроме...

— О, госпожа, не берите в голову! — Лия затараторила с удвоенной скоростью, буквально выталкивая Эдну в сторону ванной комнаты, где уже поднимался пар от горячей воды. — В замке много кого: и повара, и конюхи, и... ну, призраки, если верить старой Марте из прачечной, но она вообще всех нас считает покойниками! Главное сейчас — смыть с вас всё это.

Служанка действовала решительно. Через полчаса Эдна, чувствуя непривычную лёгкость в теле после горячей ванны и лёгкое покалывание в коже от дорогого мыла с ароматом лаванды, стояла перед зеркалом. Платье пришлось затянуть корсетом почти до предела, чтобы оно не висело мешком, но результат был поразительным.

С распушенными, чуть подкрученными алыми волосами, которые теперь блеснули под светом свечей, и в этом глубоком зелёном бархате Эдна больше не выглядела испуганной лесной беженкой. Она выглядела как молодая аристократка, случайно забредшая в этот мрачный замок.

— Ой... — Лия замерла с расчёской в руках, глядя на неё с искренним восхищением. — Вы такая красивая, госпожа. Ну, идёте же.

Лия вела её по длинным коридорам, и каждый шаг отдавался эхом в каменных сводах. Эдна чувствовала, как непривычно тяжёлый подол платья касается пола, а корсет сковывает дыхание, и мысли путаются в голове быстрее, чем она успевает их поймать.

— Сюда, госпожа, — щебетала Лия, сворачивая в очередной коридор. — Его Светлость обычно не ужинает в малой столовой, когда один. Обычно он ест в своих покоях, но сегодня велел накрыть на двоих.

Эдна молчала, разглядывая портреты на стенах. Суровые мужчины в тёмных камзолах, женщины с холодными глазами. Мортмейны. Её провожатые по этому кошмару.

Лия остановилась перед высокой дубовой дверью и, бросив на Эдну ободряющий взгляд, распахнула её.

— Госпожа Эдна, Ваша Светлость.

Эдна переступила порог и замерла.

«Малая» столовая оказалась комнатой с высокими сводчатыми потолками, длинным столом, за которым могли бы свободно разместиться двадцать человек, и огромным камином, в котором весело потрескивали дрова. На столе — на два набора, но с таким количеством блюд, будто ждали целую делегацию.

Адриан стоял у камина, прислонившись плечом к каменной кладке. В свете огня его лицо казалось высеченным из камня — резкие тени, острые скулы, тяжёлый взгляд. Он не сразу повернулся, давая ей возможность осмотреться, а затем медленно перевёл взгляд на неё.

И замер.

Всего на мгновение. На долю секунды, которую Эдна могла бы пропустить, если бы не смотрела на него так пристально. Его взгляд скользнул по её алым волосам, по тёмно-зелёному бархату, по тому, как платье сидело на ней — чужое, но удивительно идущее.

Он моргнул, и маска снова вернулась на место.

— Проходи, — сказал он, и голос его прозвучал ровно, почти безразлично. — Садись. Ты, должно быть, голодна.

Он шагнул к столу и отодвинул стул рядом с ним. Жест, который мог бы показаться заботливым, если бы не сталь в его взгляде.

Эдна помедлила, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а затем шагнула к столу.

— Благодарю, Ваша Светлость.

Адриан, который уже успел занять своё место, едва заметно поморщился от этого официального тона. Он откинулся на спинку стула, глядя на неё с какой-то странной, почти усталой иронией.

— Оставь это, — он небрежно махнул рукой в сторону пустующего пространства стола. — Просто Адриан.

Эдна замерла. Она видела эту попытку сократить дистанцию, но внутри неё всё сжалось. Этот титул был её единственным щитом, единственным способом напомнить и ему, и себе, кто здесь хозяин, а кто — гостя по принуждению.

Она выпрямила спину, и корсет сжал её рёбра чуть сильнее. Эдна посмотрела на него с таким выражением, будто он предложил ей что-то совершенно недопустимое.

— Ваша Светлость, — с нажимом повторила девушка и осторожно опустилась на стул.

Адриан замер, удерживая бокал с вином. В столовой воцарилась такая плотная тишина, что треск дров в камине прозвучал подобно выстрелу. Он смотрел на девушку с холодным, почти исследовательским интересом; его забавляло, как отчаянно она цепляется за формальности, пытаясь возвести из них баррикаду между ними.

— Твоя приверженность правилам почти вызывает уважение, если бы не была столь бессмысленной, — в его тоне прорезался сухой, циничный смешок. — В этом доме титулы — лишь пыль на старых гобеленах.

Он сделал медленный глоток, не разрывая зрительного контакта.

— Называй меня как тебе удобно, если это помогает тебе не чувствовать себя загнанным зверем.

Герцог чуть подался вперёд, и свет свечей подчеркнул резкую линию его челюсти. Он замолчал на мгновение, словно взвешивая, стоит ли продолжать этот спор, а затем его голос стал более будничным, почти равнодушным.

— Надеюсь, покои тебе подошли. Милфорд бывает излишне педантичен в вопросах комфорта, но он лучший в своём деле. Если чего-то не хватает — просто скажи ему.

Эдна смотрела на него, и внутри неё всё сжималось от этой странной смеси заботы и высокомерия. Его слова о комфорте сейчас казались ей почти издевкой — какой смысл в мягких простынях и горячем чайнике, если ты не знаешь, закроют ли дверь в твою комнату на замок завтра утром?

Она медленно выпрямила спину, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Я благодарна за гостеприимство, Ваша Светлость, — начала она, и в её тоне снова прозвучала та самая холодная дистанция. — Но я бы хотела знать... какой статус я имею в этом доме? Я ваша гостья? Пленница?

Адриан медленно поставил бокал на стол. Звук соприкосновения стекла с деревом был коротким и резким. Он не ответил сразу; вместо этого он пристально посмотрел на неё, и в этом взгляде Эдна снова увидела ту самую ледяную решимость, что была в лесу.

— Пленницам не дают платья и не спрашивают их мнения о комфорте покоев, — произнёс он, и в его голосе проскользнула горькая ирония. — Но и гостьей ты не являешься. Гости приезжают по приглашению и уезжают, когда пожелают.

Он чуть сузил глаза, и его голос стал тише, обретая ту самую опасную глубину.

— Твой статус, Эдна, — это «подопечная». Ты находишься здесь, потому что мир за этими стенами стал для тебя смертельно опасен. Ты можешь гулять по замку, читать в библиотеке или даже пытаться найти способ сбежать, если тебе так будет спокойнее. Но ты не покинешь пределы поместья без моего сопровождения.

Он откинулся назад, снова становясь холодным и отстранённым.

— Для кого-то это может звучать как тюрьма. Для меня — как единственный способ выполнить обещание, данное твоей сестре.

— Уж не то ли, что моя сестра погибла, снимая с вас проклятие, заставило вас дать подобное обещание? — девушка недоверчиво прищурила глаза, подаваясь вперёд. Она так и не притронулась к еде, всем видом пытаясь показать свою независимость.

Адриан замер. Его взгляд, до этого момента остававшийся отстранённым, внезапно стал острым, как бритва. Он медленно перевёл глаза на тарелку с едой, к которой она так и не прикоснулась, а затем снова посмотрел на Эдну. В комнате стало ощутимо холоднее, будто сам воздух вокруг герцога сгустился от вспыхнувшей внутри него тяжёлой, тёмной энергии.

— Ты думаешь, что я действую из чувства вины? — тихо спросил он, и в этом шёпоте было больше угрозы, чем в любом крике. — Вина — это слишком дешёвое чувство, Эдна. Она не заставляет человека перекраивать свою жизнь и превращать свой дом в крепость для чужой девчонки.

Он резко подался вперёд, сокращая расстояние между ними так, что она могла почувствовать терпкий запах его парфюма и чего-то металлического, холодного. Его глаза потемнели, почти сливаясь с зрачками.

— Эзра не просто «сняла проклятие». Она вырвала меня из когтей смерти, которая должна была забрать меня в моё тридцатилетие. Она отдала за меня годы своей жизни, которые никогда не вернутся.

Адриан горько усмехнулся, и эта усмешка была похожа на шрам на его лице.

— Я не ищу искупления через тебя. Я просто не позволю Ковену превратить её жертву в бессмысленную трагедию, забрав последнюю из её рода. Ешь, — приказал он, и его голос снова стал властным, не терпящим возражений. — Твоё упрямство похвально, но голод — плохой союзник в борьбе за независимость.

В столовой снова воцарилась тишина. Эдна медленно, будто через силу, опустила взгляд на тарелку. Она взяла вилку, кончиками пальцев ощущая холод металла, и отломил крошечный кусочек хлеба. Жевать было сухо и трудно — не потому, что хлеб был чёрствым, а потому, что каждый глоток вставал поперёк горла.

Адриан не сводил с неё взгляда. Он не стал комментировать её «уступку», не стал добивать её словами. Он просто сидел, наблюдая, как она делает вид, что ест, и в его молчании было что-то почти уважительное.

Остаток ужина прошёл в тишине, которая символизировала некое перемирие.

Когда трапеза была закончена, Адриан поднялся с места одним плавным, хищным движением.

— Завтра утром я покажу тебе библиотеку, — произнёс он, уже направляясь к выходу. — Там есть хроники твоего рода. Если ты действительно считаешь себя «пустым местом», возможно, там ты найдёшь ответ на вопрос, почему Ковен так одержим идеей заполучить тебя.

Он остановился в дверях, не оборачиваясь, и его силуэт в свете факелов коридора казался неестественно длинным и мрачным.

— Спи спокойно, Эдна. В этом замке стены умеют хранить секреты, но они также умеют защищать тех, кто им принадлежит.

Дверь за ним закрылась с глухим стуком, оставив девушку в звенящей тишине столовой. Эдна осталась сидеть за огромным столом, глядя на недоеденный ужин.

Глава 4

Главный холл замка Мортмейн встретил Эдну тихим эхом и оглушительной тишиной. Здесь всё казалось гипертрофированным: слишком высокие своды, теряющиеся в тени, слишком массивные колонны из хмурого гранита и слишком длинные коридоры, которые, казалось, уходили в бесконечность. В сером шерстяном платье она чувствовала себя почти незаметной, словно сама стала частью этих каменных стен.

Адриан ждал её у подножия широкой лестницы. Он стоял спиной к двери, заложив руки за спину, и его тёмный силуэт на фоне высокого окна выглядел как вырезанная из чёрной бумаги фигура. Когда он обернулся, Эдна заметила, что его взгляд мгновенно просканировал её с ног до головы.

— Пунктуальность — редкое качество для тех, кто привык жить в лесу, — произнёс он. Голос прозвучал сухо, но в нём больше не было той яростной стали, что на ужине. Скорее, это была привычная, деловая холодность.

— Я не всегда жила в лесу... — выпалила девушка, но осеклась и потупилась.

Адриан заметил, как она осеклась, и в его взгляде на мгновение мелькнуло любопытство. Он не стал развивать эту тему, решив оставить её воспоминания при ней, пока она сама не сочтёт нужным ими поделиться. Его молчание не было поддерживающим — оно было функциональным.

Он сделал шаг навстречу, и эхо от его тяжёлых сапог гулко разнеслось по холлу, заставляя сердце Эдны пропустить удар.

— Надеюсь, завтрак помог тебе прийти в чувство. Нам предстоит много работы.

Он жестом указал в сторону массивных двойных дверей из тёмного дуба, которые вели в западное крыло замка.

— Я долго собирал информацию об алых ведьмах и хроники своего рода, думаю, что тебе нужно это знать. — добавил он, когда они пошли по длинному коридору.

Он шёл уверенно, не сбавляя темпа, и Эдне приходилось почти бежать, чтобы не отстать от его широкого шага. По мере того как они приближались к западным дверям, воздух становился заметно прохладнее, пропитываясь запахом старой кожи и пергамента.

Остановившись у дверей, Адриан обернулся к ней. Его лицо в полумраке коридора казалось ещё более суровым.

— Предупреждаю сразу: то, что ты там прочтёшь, может тебе не понравиться. Правда редко бывает утешительной, особенно когда речь идёт о ведьмах и проклятиях.

Он положил руку на тяжёлую кованую ручку и с глухим скрежетом распахнул створки, открывая перед ней путь в царство пыли и забытых истин.

Библиотека оказалась именно такой, какой он её описывал — холодной, огромной и пропитанной временем. Высокие стеллажи уходили в темноту под потолок, теряясь в тени, где едва угадывались резные балки. Свет сюда проникал скупно — через узкие стрельчатые окна, запylённые настолько, что солнечные лучи казались мутными столбами, в которых танцевали пылинки.

Эдна невольно замедлила шаг, втягивая носом запах старой бумаги и воска. Где-то в глубине мерно тикали часы, отсчитывая секунды вечности.

— Хроники рода вон там, — Адриан кивнул в сторону дальнего стеллажа, обитого потемневшей медью. — Третья секция слева. Дневники, записи, договоры. Если хочешь понять, кто ты и зачем ты здесь — тебе туда.

Он не двинулся с места. Скрестил руки на груди и прислонился плечом к дверному косяку, явно давая понять, что будет ждать её здесь. Наблюдать. Не вмешиваться.

Эдна кивнула и перевела взгляд с него на тёмный ряд корешков в глубине зала. Её сердце колотилось где-то в горле, но она сделала шаг вперёд.

Девушка шла по узкому проходу между стеллажами. Кожаные переплёты, испещрённые трещинами, напоминали старую, иссохшую кожу, а золотое тиснение на корешках давно потускнело, превратившись в грязные пятна. Каждый её шаг отзывался глухим стуком, который в этой тишине казался слишком громким, почти вызывающим.

Дойдя до третьей секции, она замерла. Здесь книги были другими — массивные фолианты в тяжёлых обложках, скреплённые медными застёжками. На одном из них, самом старом и потёртом, не было названия, лишь выгравированный символ: переплетённые корни дерева, сжимающие человеческое сердце.

Эдна осторожно протянула руку. Когда её пальцы коснулись прохладной кожи переплёта, по телу пробежал странный разряд — не болезненный, но резкий, словно статический ток. Она вздрогнула, но не отстранилась. Напротив, странное чувство притяжения заставило её потянуть книгу на себя.

Тяжёлый том с глухим вздохом покинул полку. Эдна открыла его на случайной странице, и её глаза зацепились за каллиграфический почерк, который местами был размазан или перечёркнут жирными чернилами.

Эдна перелистнула страницу, и её взгляд упал на заголовок, выведенный красными чернилами, которые не выцвели даже спустя десятилетия:

«О природе Ковена и истинной цене силы»

Она нахмурилась и начала читать. Почерк был нервным, порывистым, словно автор писал эти строки в спешке или страхе:

«Спящие — редкая удача для Ковена. Обычная Алая тратит себя по крупицам, год за годом. Спящая же копит силу десяти жизней, даже не зная об этом. Её тело становится идеальной почвой для новой жизни. Ребёнок, рождённый от такой ведьмы, впитывает всю её мощь ещё в утробе. И рождается не просто Красной ведьмой — рождается силой, которую сложно переоценить.

Потому таких детей отдают в Ковен. Только они способны справиться с их даром, не перегорев. Сотни девочек были воспитаны не своими матерями, а алыми сёстрами.

Что становится с самой матерью после родов — доподлинно неизвестно. Архивы Ковена умалчивают участь запертых Спящих. Но слухи ходят разные».

Эдна медленно закрыла книгу. Пальцы онемели, а в груди разрасталась холодная, тягучая пустота. Она посмотрела на свою ладонь — обычную, без единой искры силы — и вдруг остро осознала, что Ковен видит в ней не человека. Они видят в ней мешок, набитый чужой магией, который можно просто вскрыть, чтобы получить новое поколение ведьм.

— Племенная кобыла... — прошептала она, и это слово на вкус было как желчь. — Я просто племенная кобыла для разведения их «идеальных» ведьм.

Тишина библиотеки, которая до этого казалась торжественной, вдруг стала удушающей. Слова из книги всё ещё пульсировали перед глазами красными пятнами, выжигая в сознании одну-единственную истину: её «пустота» была не дефектом, а накоплением. Она была не сломанным инструментом, а запертым хранилищем, которое Ковен собирался вскрыть самым жестоким образом.

— Грубо, но точно, — раздался голос Адриана.

Она не заметила, как он подошёл. Он стоял за её спиной, достаточно близко, чтобы она почувствовала исходящий от него холод, но не касался её. Его взгляд был прикован к раскрытой книге, и в этом взгляде не было ни жалости, ни сочувствия — только мрачное подтверждение.

— Ковен не признаёт любви, родства или привязанностей. Для них существует только эффективность и чистота крови, — он заговорил тихо, и его голос вибрировал от скрытого

отвращения. — Твоя сестра знала об этом. Именно поэтому она спрятала тебя у водопада, в месте, где магия воды и земли подавляет любые поисковые заклинания. Она пыталась сделать тебя «невидимой» для них, надеясь, что ты проживёшь жизнь обычной девушкой.

Адриан сделал шаг в сторону, чтобы заглянуть ей в лицо. Его глаза были тёмными, почти чёрными в полумраке стеллажей.

— Теперь ты понимаешь, почему я не позволю тебе уйти? Ты для них — самый ценный трофей в коллекции. И если ты решишь, что сможешь справиться с ними сама, ты просто подаришь им то, ради чего Эзра пожертвовала всем. Кому понравится участь фермы?

Адриан шагнул к соседнему стеллажу и, не глядя, вытянул с полки тяжёлый том в чёрной, потрескавшейся коже.

Он протянул книгу Эдне. Его лицо оставалось непроницаемым, но в жесте чувствовалась какая-то решимость.

— Это дневник Геворга Мортмейна. Первого, кто был проклят. Если хочешь знать, с чего всё началось — прочти. Я не собираюсь держать тебя в неведении. Ты имеешь право знать, в какую грязь вляпалась, решив остаться здесь.

Эдна взяла книгу дрожащими руками. Металлическая проволока больно впилась в ладонь, но она не обратила внимания. Она открыла дневник на первой странице, чувствуя, как внутри закипает что-то тёмное и горькое.

Глаза пробежали по кривому, нервному почерку, и вскоре она наткнулась на те самые строки:

«...И будут все мужчины рода Мортмейн пожраны тьмой до своего тридцатилетия, пока алая кровь не поглотит его. Да будет так!»

Эдна замерла. Слова расплывались перед глазами, но смысл врезался в сознание, как раскалённое клеймо.

— Пока алая кровь не поглотит его... — медленно прочитала она вслух, и её голос дрогнул. Она подняла глаза на Адриана, и теперь в них не было ни страха, ни растерянности. Только ледяная, звенящая ярость.

— Так вот оно что. — Она захлопнула книгу, и звук удара страниц прозвучал в тишине как пощёчина. — Ты такой же, как они. Ковену нужна моя утроба, а тебе — моя кровь, чтобы снять твоё проклятие. Спасатель нашёлся! — она усмехнулась, и в этой усмешке не было ни капли веселья. — Скажи, ты тоже планировал запирать меня в подвале, пока я не рожу алую ведьму, которая избавит твоих сыновей от проклятия?

Адриан не шелохнулся. Он даже не моргнул, когда она выплеснула на него эту ярость. Он стоял неподвижно, и в этой его статичности чувствовалось нечто пугающее — абсолютное спокойствие человека, который уже давно принял свою тьму и перестал с ней бороться.

— Ты слишком высокого мнения о моей потребности в наследниках, — произнёс он, и его голос был холодным, как лёд в зимнем ручье. — Я последний в своём роду, Эдна. И я намерен стать последним, кто будет носить это клеймо.

Он медленно сократил расстояние между ними, нависая над ней своей массивной фигурой, заставляя её чувствовать себя маленькой и уязвимой, несмотря на всю её ярость.

— Если бы мне была нужна твоя кровь для исцеления, я бы не тратил время на библиотеку и не давал тебе читать дневники. Я бы просто приказал привязать тебя к столу и выкачал бы из тебя всё до последней капли, не заботясь о том, останешься ли ты жива.

Он замолчал, и в его глазах вспыхнул опасный, почти звериный огонь.

— Не путай мою защиту с расчётом. Я не спасатель, Эдна. Я — такой же проклятый ублюдок, как и все мои предки. И тоже не безгрешен. Но я достаточно ненавижу Ковен, чтобы сжечь этот мир дотла, прежде чем позволю им коснуться тебя.

Он резко отвернулся, направляясь к выходу из библиотеки.

— Твоя подозрительность — это единственный инструмент, который может спасти тебе жизнь. Продолжай пользоваться им. Но не смей ставить меня в один ряд с теми, кто видит в тебе лишь инкубатор. Это оскорбление даже для такого, как я.

Адриан остановился у самого выхода, но не обернулся. Плечи были напряжены, а рука, сжимавшая дверную ручку, побелела в костяшках.

— В архивах рода... в сотнях книг и свитков... — его голос стал глуше, утратив былую сталь, — я не нашёл ни единого упоминания о том, что ведьма умирает после того, как заберёт проклятие Мортмейнов. Ни одного...

Он замолчал, и в тишине библиотеки было слышно только его дыхание — тяжёлое, ровное.

— Когда она мне сказала об этом, я велел ей уходить. Я приказал ей убираться, пока не стало слишком поздно. — Он горько усмехнулся, не оборачиваясь. — Но она не ушла. Она просто смотрела на меня с этой своей невыносимой, спокойной улыбкой... пока её вены чернели.

Адриан сжал ручку двери так, что металл жалобно скрипнул.

— Я не смог её остановить. И теперь я живу с этим знанием каждую секунду.

Эдна смотрела на него, и вся её ярость вдруг испарилась, оставив после себя только горький привкус осознания. Она вспомнила всё, что знала о своей сестре, о той жертвенности, которая была вшита в их кровь.

— Клятва Алой... — едва слышно прошептала она, и её голос дрогнул. — Она не дала бы ей отступить.

Адриан наконец обернулся. В его взгляде больше не было ни надменности, ни ледяного контроля — только выжженная пустыня, в которой когда-то была жизнь. Он смотрел на Эдну, и в этом взгляде читалось что-то пугающе знакомое: та же безысходность, что и в строках старого дневника.

— Клятва, — повторил он, и это слово прозвучало как проклятие. — Эти ваши клятвы... Они превращают людей в святых или в безумцев. Эзра была святой. А я... я просто стал тем, кто выжил за счёт чужого света.

Он медленно отпустил ручку двери, и металл перестал стонать. Адриан сделал один шаг назад, возвращаясь к своей привычной маске холодного отчуждения, но теперь эта маска казалась треснувшей.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы ты была «святой», Эдна. Не смей жертвовать собой ради кого-либо. Не ради меня, не ради своего рода и уж точно не ради Ковена.

Он замолчал, и его голос стал почти шёпотом, пробирающим до костей.

— Будь эгоисткой. Будь злой. Будь подозрительной. Но живи. Потому что если ты решишь повторить её путь... я лично запроу тебя в самой высокой башне этого замка, чтобы ни одна живая душа не смогла воспользоваться тобой.

С этими словами он резко вышел из библиотеки, и тяжёлые дубовые двери захлопнулись за ним с окончательным, глухим звуком, оставив Эдну в окружении пыли и призраков прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.